

«Я еду к себе на родину, а вы как хотите»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-587>

17 декабря 1976

Собеседник

Рачек-Дега Ирина Петровна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 17 декабря 1976 и опубликована 16 августа 2018.

Введение

Вторая беседа с Ириной Рачек-Дега в большой степени дублирует [первую](#) и [третью](#): в ней тоже содержится описание встречи с Маяковским в Берлине, рассказ о совместной жизни в Париже с Альтманом. Более подробно, чем в третьей беседе, описана ситуация с ожиданием ареста Шухаевых и обыском в их московской квартире, происходившим в присутствии Рачек-Дега. В этой беседе Ирина Петровна рассказывает что-то новое о своем парижском круге: об Иване и Ксении Пуни и обстоятельствах их жизни в Париже, о Юрии Анненкове и других обитателях Монмартра, и объясняет свое желание вернуться в Россию в середине 1930-х годов.

Еще раз о встрече с Маяковским в Берлине

Ирина Петровна Рачек-Дега: Я ждала в Берлине его визу в Париж. Ну, я вам уже рассказывала мою встречу с Маяковским там, в Берлине.

Виктор Дмитриевич Дувакин: В Берлине?

И. Р.-Д.: Да, я вам разве не рассказывала?

В. Д.: Нет.*

И. Р.-Д.: Ну, это было очень забавно. Я тогда жила в пансионе, в таком пансионате, и ждала, что мне выйдут — у меня абсолютно ни копейки не было денег. Я ждала все время, что мне должны заплатить крупную сумму за мою работу. Вдруг телефонный звонок, меня зовут к телефону. Я подхожу и спрашиваю. Какой-то такой мужской голос «здравствуйте» говорит. Я спрашиваю: «Кто?» — «Ну вот, вы уже стали гордая, меня не узнаете». Я говорю: «Я положу трубку» — «Козлик, как вам не стыдно?» — «Боже! Владимир Владимирович!». Конечно, я страшно обрадовалась, что Маяковский здесь. Он говорит: «Немедленно берите такси и приезжайте ко мне в гостиницу». Ну, конечно, о такси не могло быть и речи. Я промолчала и приехала к нему в гостиницу на обыкновенном транспорте — на это мне хватило. Приехала я к нему. Там он стоял, ему мерил костюм портной — он шил себе костюм. Потом он переоделся и говорит: «Ну, Козлик, а теперь пойдёмте обедать». Пошли мы обедать, и вот я помню его фразу за обедом: он много как-то... ему хотелось открыться, очевидно, поговорить о себе, и он — я вот запомнила одну фразу, что «мне очень не везет в любви. Если бы меня спросили, что я предпочитаю: славу или любовь женщины — я бы выбрал второе». Я ему говорю: «Владимир Владимирович, господи! За вами бегают женщины!» Он говорит: «Это все не то, Козлик. Ну, — говорит, — ладно, сейчас пойдём по кабакам шататься!». «Кабаки» — это он называл ночные всякие дансинги, ночные всякие кабаре и прочее, и прочее. И вот мы всю ночь и ходили из одного кабака в другой. И он был настолько остроумен, он давал название каждой девушке, и мужчины переодеты были в девушек, он называл каждого, название какое-то давал. Мы хохотали до упаду. Вообще, было страшно весело и интересно с ним. После этого он меня проводил домой, и на следующий день он уехал в Париж. И когда он узнал, что у меня нет денег, он предлагал мне деньги. Я была очень гордая, сказала: «Нет-нет, я получу крупную сумму, не надо, не надо». Он говорит: «Я вам дам, я там отыграю, — говорит, — в бильярд у Альтмана». Я говорю: «Нет». А я знала, что у Альтмана не было денег, потому что до этого приезжала из Парижа жена Соколова** (актер такой был).

В. Д.: Соколова?

И. Р.-Д.: Да.

В. Д.: Актер?

И. Р.-Д.: Да. Ну, в общем, такой был актер. Они приезжала и говорила, что у Альтмана нет денег и прочее, и прочее. Я говорю: «Скажите, что я получу большую сумму денег, пускай не волнуется».

* О встрече с Маяковским в Берлине Рачек-Дега подробно рассказывала на первой встрече с Дувакиным, о чем он, очевидно, забыл.

** Владимир Александрович Соколов (Sokoloff) (1889 — 1962), работал в Московском Камерном театре, в 1923 году уехал в Германию, работал также во Франции и в Америке. Жена — Элизабет Александерофф.

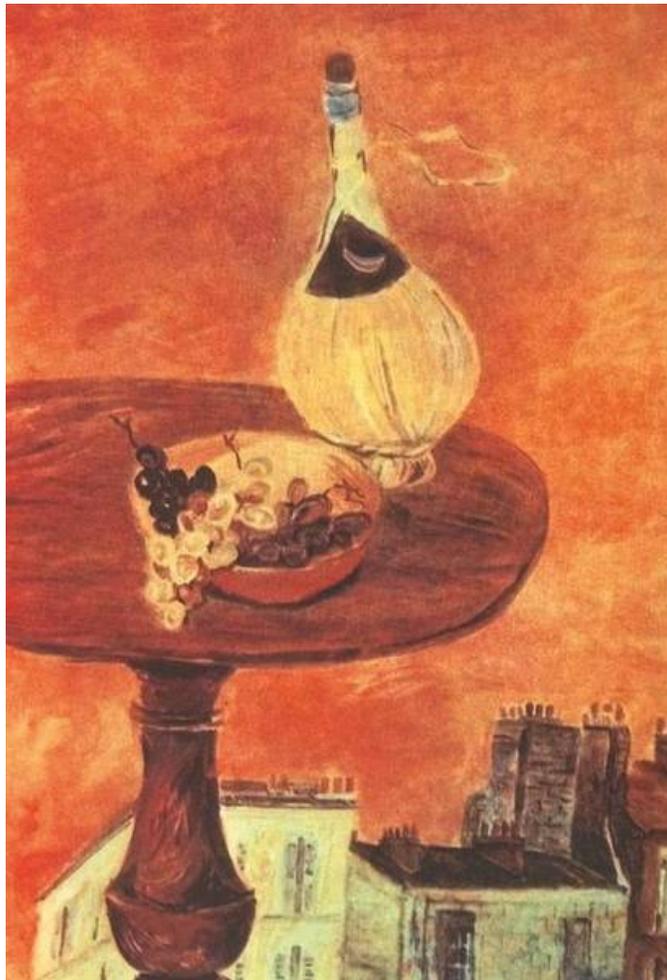
Периоды немоты у Альтмана

И. Р.-Д.: После этого прошло некоторое время — я приехала в Париж. Тогда он снимал ателье,

где мы очень долго жили, в этом ателье. Как раз, кстати, он написал интерьер этого ателье, где там фигурирую я, стою там. Я помню, когда я собиралась быстро (вообще, я работала, я очень много работала), торопилась очень на репетицию и подметала — метла, в его халате длинном — подметала ателье, в это время он крикнул: «Стой!». И я, как ведьма, стою с метлой, потому что я торопилась и злая была страшно, потому что у меня не было времени. Вот эта картина существует, это история этой картины. Вот так.

Вообще-то, истории почти всех картин, написанных в Париже, я знаю, потому что... Вы знаете что, у него были периоды пустоты. Я вначале не понимала. Вот, например, одно время там же, в этом ателье он не работал. Я не понимала почему. Я у него спрашивала: «Ну почему ты не работаешь?» Он молчал. Ничего не отвечал. И ходил очень грустный и мрачный. И потом у нас так: было ателье, потом лестница шла наверх, и там спальня была. А там, наверху, была такая маленькая дверь, которая выходила на крышу, и виден был Париж, дома, какой-то пейзаж. Он открывал дверь и стоял, и долго-долго смотрел. Я ничего не понимала, но я молчала. Но, поскольку я много работала, у меня не было времени, я убегала. Потом вдруг он садился и, вы знаете, не вставая, что называется, писал. И вот он написал, если вы знаете его натюрморт, где стол в воздухе.

В. Д.: Да, помню.

Н. Альтман. Натюрморт с фляжкой кьянти. 1928

И. Р.-Д.: Вот это он придумывал, оказывается. И я даже себя бранила: почему я так была недовольна и злилась, что он ничего не делает. Я всегда переживала это, потому что я чувствовала, видела в нем... Или у него было какое-то, как у художников бывает, настроение такое, он не знал, что писать, как писать,

немножко растерян был. А потом начинал вдруг работать много. У него были вот такие периоды пустоты и неудовлетворенности. Очень много картин я его спасала, я ему очень много позировала. Я его, так сказать, увлекала: ну, там, шляпу надену какую-нибудь — ему понравится, он говорит: «Садись!» Понимаете? И вот так очень много портретов сделал, ню писал. Это был период, вначале в особенности, когда я только приехала, я еще нигде не работала и не училась, так как привыкала к Парижу, к жизни. Как я вам рассказывала, Эренбург меня вводил в жизнь парижскую. А потом я, когда уже прошел какой-то период времени, я уже начала работать, и училась у Преображенской, и работала. Вот тогда у меня абсолютно не было времени, и мы очень редко виделись поэтому. И вот когда я приходила и видела, что он *не* работает, меня это очень угнетало и вот на этой почве у нас были большие раздоры.

В. Д.: Его это страшно раздражало, наверное?

И. Р.-Д.: Нет, он молчал. Он молчал. А потом, когда он садился что-то писать, или меня, в основном, портреты, или натюрморты, я ставила ему, увлекала его во все, и тогда я была спокойна. Вот это единственное, что у нас были раздоры, на этой почве в основном. Ну, что еще вам рассказать? Он вообще, были у него времена, когда он не писал совсем, какие-то упадочнические. Например, я очень когда уставала, он хотел, чтобы я отдыхала, вот мы поехали на зимний спорт в Альпы, и он взял с собой краски, но не работал. Это опять же меня угнетало. И вот как я его увлекала: мы ходили гулять, я ему говорила: «Смотри, какой красивый пейзаж!» Я уже могла смотреть на пейзажи, на натюрморты, на лица его глазами, глазами его, потому что я настолько жила в его искусстве, что я уже видела его глазами все, понимаете, его вкусами. И вот висит как раз этот вот этот натюрморт (*оговорка, пейзаж*) в Альпах, где я, гуляя, говорю: «Смотри, какой красивый пейзаж!» Он начал примерять, руками, так, так, говорит: «Да, неплохой». Я говорю: «Напиши его!». Он говорит: «Нет у меня настроения». Я говорю: «Ну, мне подарить. Можешь сделать подарок?» — «Ну, это я могу сделать». И вот висит вот этот самый натюрморт, посмотрите.

В. Д.: Пейзаж?

И. Р.-Д.: То есть пейзаж, простите, пейзаж.

В. Д.: Вот этот?

И. Р.-Д.: Да-да-да, он написал это в Нотр-Дам де Бельфор*, это во Французской Швейцарии.

В. Д.: В Альпах.

И. Р.-Д.: В Альпах, да, очень красивый, это он для меня сделал. Вот так я его увлекала. Я долго думала: в чем дело? почему? И когда я у него спрашивала, он говорит: «Не могу». Я говорю: «Но ты так талантлив, мне так жалко твоего времени». Он говорил «не могу». А потом, когда у нас родился ребенок, он начал его писать (маленький он совсем был, он умер-то маленьким, около двух лет ему было). Вот висит как раз тоже его портрет.

В. Д.: Это?

И. Р.-Д.: Андрюша, да. И потом, когда были заказы у него, бывали, тогда он сидел, не вставая, работал. Он умел работать. И много работал. Но у него были какие-то провалы, что он ничего не мог делать. Я понимала. У него, понимаете, был какой-то переходной момент в искусстве, искания, как бывают у каждого художника, но у него бывали такие времена — вот пустота! Ничего не мог делать! И потом он много хотел стирать, ему не нравилось, что он делал, он очень переживал. Я спасала эти вещи. Вот, например, такой случай. Я пришла, было очень жарко, летом, я пришла после репетиции, очень усталая, жарко страшно, я разделась и легла, там же в ателье на тахту. Он накрыл меня таким бордо пледом, какой-то тряпкой, не знаю, портьерой, я не помню, что-то такое. И я уснула крепко. И когда я проснулась, он сидел у мольберта и писал. И я видела, что он хотел уже стирать всё. Я схватила его руку и говорю: «Что ты делаешь? Это так красиво!» Он говорит: «Ты находишь?» Я говорю: «Да». Он говорит: «Ну и бери себе эту гадость». Он не был удовлетворен своей работой, понимаете? Он страдал. Я чувствовала, что он страдает, и я всячески его уговаривала, что это очень красиво, не надо. Он говорит: «Тогда бери себе». И потом через некоторое время, прошел что-то месяц, два, я не помню, и я ему показала эту вещь,

говорю: «Смотри, как красиво». Действительно, было очень красиво: лежащая спящая такая белокурая женщина, плечи обнаженные, и так рука запрокинутая — очень красивая вещь была. Он сказал: «Да, ты была права, ты была права». Поэтому художники не всегда видят сразу то, что они делают. Понимаете? Им не нравится, и они уничтожают. Пройдя какой-то срок, они снова возвращаются, смотрят на эту вещь, и они смотрят уже совсем другими глазами, и это им нравится. Вот у него это часто было. Он не был удовлетворен тем, что он делает. У него был период искания. А потом он начал писать. Много моих портретов начал писать. Я помню так: привезли мне костюм из Испании, тореодора, и кастаньеты. Я надела и начала плясать. Ему так понравилась я в этом костюме, что он говорит: «Сядь! Так красиво, так красиво, сядь!» И вот он написал этот портрет. Кстати он, этот портрет, незадолго до его смерти он его устроил в Эривань**, в галерею. Я вам потом покажу, у меня есть слайд. Есть фотография черно-белая и слайд есть. Очень красивый портрет, замечательный. Вообще, я ему как-то удавалась, я была его модель. Я это потом поняла, когда мы разошлись, как ни странно, потому что когда живешь... я человек искусства, он тоже, все это близко мне? и как-то не то, что не ценишь — не думаешь об этом. А потом, когда мы разошлись — я ведь не понимала, в чем дело, почему у него такое тяготение ко мне и такая дружба большая, именно на почве искусства, до последних его дней. Все, что касалось искусства — все он со мной делился. Писал мне, письма есть его об искусстве, что он делает и прочее. Когда я приезжала в Ленинград, он мне всегда показывал свои вещи. Ну, к сожалению, в Ленинграде... В Париже он писал много. Опять же периодами: месяц — абсолютно не писал, бродил где-то, ходил, как-то чувствовалось его какое-то тяготение, одиночество такое вот. Я у него спрашивала: «Что с тобой?» Он говорит: «Ничего».

Вы знаете, он был очень замкнутый человек, очень. Очевидно, это в силу его детства, воспитания и прочего. Он мне, например, говорил: «Я хочу сказать, но мне что-то в горле застревает — я не могу высказать. Я так хочу тебе сказать много — не могу». Вот такой был человек. Интересный человек, он очень интересный человек был, порядочный человек, очень, очень. Вы знаете, он никогда не предаст никого, никогда. Никогда плохо ни о ком не говорил. И в отношении женщин он был очень благородный. Как ни странно, когда мы с ним разошлись, он никогда ко мне так хорошо не относился и так как-то не делился, как когда мы вместе жили.

В. Д.: Простите, вот женщины... а в другой раз вы сказали, что [нрзб].

И. Р.-Д.: Да, но никогда не говорил. Я все знала, но я молчала. Но, когда мы разошлись (это было, собственно, причиной), и когда я ему все... я тоже молчала... Вообще, мы никогда на эту тему не говорили. Если мы говорили, мы говорили об искусстве, говорили о его работе, я ему рассказывала о своей работе. Вот только так. А все, что у меня болело, я тоже ему не говорила. Ведь он меня воспитал фактически. Понимаете? Я ж была совсем девчонкой. Он намного старше меня был, и он не мог меня воспитать (оговорка).

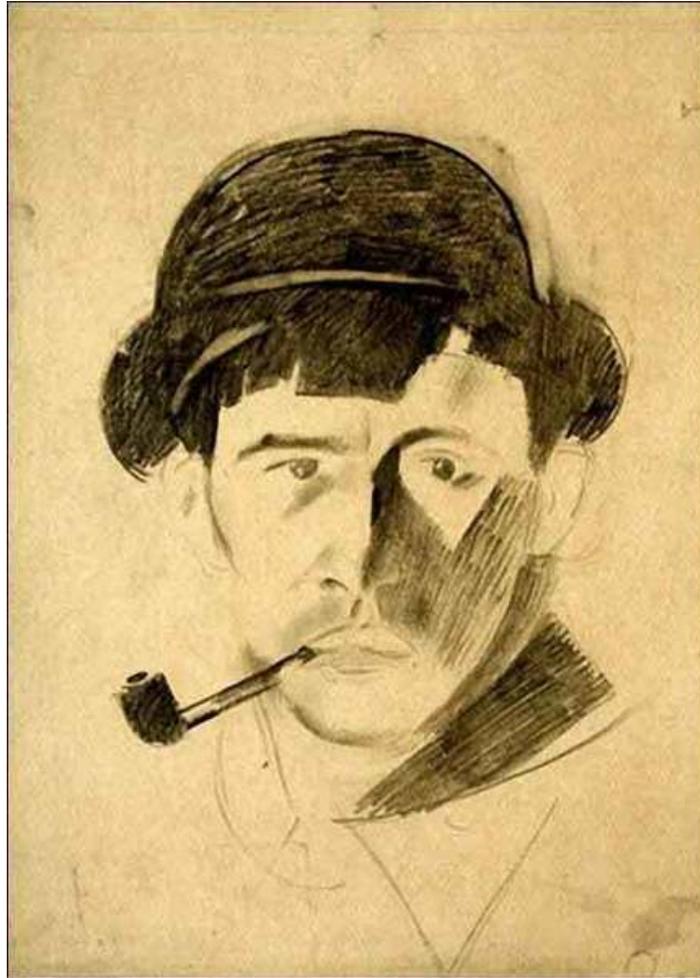
В. Д.: В чем выражалось его благородство?

И. Р.-Д.: Он никогда плохо и вообще о женщинах не говорил, даже с которыми он был близок — никогда! И не позволял, чтобы о них говорили плохо, даже если они были плохими. Понимаете? Вот в этом было его благородство. Он всегда их защищал. И очень дружил с женщинами, очень был дружен, именно дружен. Ну, что еще рассказать? О нем много можно рассказывать. Трудно очень. Он был трудный человек. Он очень дружил с Пуни.

* Нотр-Дам-дю-О (фр. Notre Dame du Haut) в Бельфоре.

** Ереван в русской транскрипции до 1936 года.

Об Иване и Ксении Пуни

И. Пуни. Автопортрет

В. Д.: Иван?

И. Р.-Д.: Да, с Иваном Пуни. Я тоже очень дружила с ним. Это был очень интересный...

В. Д.: Вы расскажите о нем немножко. У меня о нем ничего не записано.

И. Р.-Д.: Это внук композитора Пуни.

В. Д.: Художник?

И. Р.-Д.: Художник, да. Очень талантливый, очень интересный. У меня кое-что, я вам покажу.

В. Д.: Он в духе, так сказать, ранних футуристов?

И. Р.-Д.: Да! Да, да-да, это есть у него, период такой. Очень талантливый художник, очень интересный человек, обаятельный очень человек был, с большой культурой. И он — настоящий художник.

Очень интересно, у него жена, Ксана Пуни, которая фактически ему сделала карьеру. Это была настоящая жена художника. Они очень нуждались в тот период, до того, что Ксана приходила на Монпарнас, в кафе «Дом», где мы сидели часто, и она приходила и говорила: «Дайте мне десять франков — Ванечку накормить надо».

И. Р.-Д.: Вот до того доходило. Она изощрялась всячески. Чего только она не делала: и пуговицы, и кольцо, и все, чтобы продавать, чтобы как-то прокормить Ванечку. Она его обожала, и мы все его очень любили. А он был... Он только мог писать. Больше никаких у него не было талантов: продавать или что, вот таких вот коммерческих — абсолютно! Это был художник, и только. И очень интересный человек, обаятельный.

В. Д.: В каком плане он писал?

И. Р.-Д.: Ну, как вам сказать, «в плане»? — в своем, очень индивидуальном...

В. Д.: Это предметная живопись была?

И. Р.-Д.: По-разному. Но левая, конечно, левая. Он не реалистический художник был.

В. Д.: Но с такими... экспрессивными, экспрессионистскими вывертами или...

И. Р.-Д.: Вывертов в тот период у него не было, нет. Больше скорее такое лево... очень индивидуально... импрессионистическими скорее...

И. Пуни. Улица. 1919

В. Д.: Вот, я это и хотел спросить.

И. Р.-Д.: Да, ближе к импрессионистам, безусловно.

В. Д.: И под влиянием французов?

И. Р.-Д.: Да нет, я бы не сказала. Это очень его, индивидуально. Я вам покажу кое-что, у меня есть. И возле него всегда был такой Пикельный, Роберт Пикельный (вот, кстати, у меня есть здесь его монография, я ее сейчас привезла), который ходил, можно сказать, по пятам за ним. Это его — нельзя сказать, чтобы ученик, потому что он совершенно в другом плане пишет, но это был его... как бывает всегда, молодой (он был много моложе) обожал его, как тень ходил за ним.

В. Д.: Оруженосец.

И. Р.-Д.: Да. Как тень ходил за ним. Ну, Ванечка Пуни, как мы его все называли — Ванечка — это был обаятельный человек.

Н. Альтман. Портрет художника Пикельного. 1930. ГМИИ им. А. С. Пушкина

В. Д.: С Маяковским он был знаком, нет?

И. Р.-Д.: Когда туда приезжал Маяковский, да, но он... близко не встречались.

В. Д.: А он жил долго за границей?

И. Р.-Д.: Кто? Пуни? Да-а! Да. С начала революции...

В. Д.: Я знаю его фамилию по Маяковскому. Есть такая в биографии Маяковского папка плакатов «Герои и жертвы революции».

И. Р.-Д.: Так.

В. Д.: Еще до окон РОСТА...

И. Р.-Д.: Ах, вот как!

В. Д.: Да. И там, значит, двестишья всякие Маяковского... «...нынче сдох от скуки ж / И теперь из кулака / стал я просто кукиш». Вот такие вот. И там написано было, кто что писал: «Рисунки...» Вот не помню, был ли Штеренберг там...

И. Р.-Д.: Ах, Штеренберг, да, но Пуни вряд ли.

В. Д.: Нет, Козлинского, Маклецова и Пуни.

И. Р.-Д.: Пуни? Странно.

В. Д.: Написано на обложке.

И. Р.-Д.: Ведь он же из Ленинграда уехал, из Петербурга тогда.

В. Д.: Так это петербургская и есть серия.

И. Р.-Д.: Ах, это Петербург? Тогда возможно, да-да-да-да.

В. Д.: Это еще когда Маяковский был в Петербурге. Это 18-й год...

И. Р.-Д.: А он уехал по-моему... в 20-м году, кажется.

В. Д.: Кто?

И. Р.-Д.: Пуни.

В. Д.: А-а-а! Может быть.

И. Р.-Д.: Да-да-да-да. Они уехали в Финляндию, я помню, Вера Федоровна Шухаева рассказывала, когда Пуни приехали. Они были в Финляндии тогда, приехали Пуни. Вот Вера Федоровна это знает все.

В. Д.: Что-то мне вспоминается его имя в числе участников... оформления первой октябрьской демонстрации, которая, как известно...

И. Пуни. Эскиз праздничного оформления Охты и Охтинского моста к первой годовщине Октября. 1918

И. Р.-Д.: В Ленинграде, да?

В. Д.: ... была оформлена левыми художниками. Это было, так сказать [нрзб].

И. Р.-Д.: Это было в Петербурге, в Ленинграде?

В. Д.: По-видимому, да.

И. Р.-Д.: Конечно! Только там, потому что он жил там, они не в Москве жили.

В. Д.: Это первая, 18-го года.

И. Р.-Д.: Это возможно, да, возможно. Потом Альтман же делал потом.

В. Д.: Альтман там не упоминается.

И. Р.-Д.: Нет, ведь там Дворцовую площадь, все это известное альтмановское оформление. Не знаете?

В. Д.: Это позже.

И. Р.-Д.: Позже, да, позже.

В. Д.: А это самый первый год*.

И. Р.-Д.: А-а, возможно, возможно. Да, тогда Пуни... Они уехали, по-моему, тогда же, когда и Шухаевы, не то в 20-м году, вот этого я точно не знаю. И вот в тот период, когда я жила, они очень нуждались. Тогда он не продавал ничего. А это художник был — именно только писал картины, не то, что Альтман. Альтман был очень многогранный художник. Он все мог! Все! Скульптуру, и по дереву скульптура, затем иллюстрации любые — все, что хотите. Он мог абсолютно все. Что ему ни заказывали, он за все брался, потому что он все мог. Очень многогранный был, а Пуни — нет. Пуни только мог писать картины, вот это было его. Каждый художник делает... Шухаев — нет, Шухаев...

В. Д.: Значит, вы Альтмана более или менее завершили?

И. Р.-Д.: Ну, о нем очень много можно говорить.

В. Д.: Вы все время говорите, что много можно...

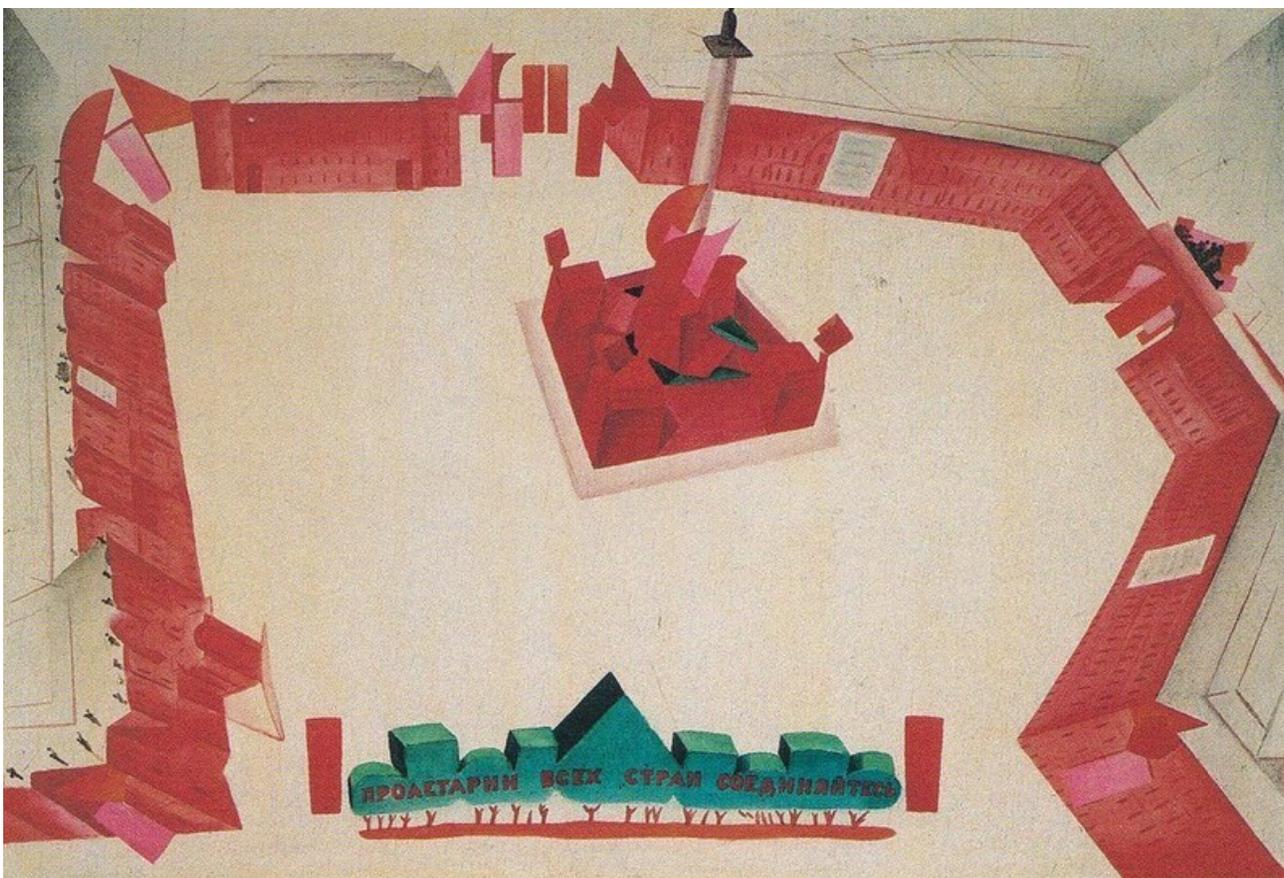
И. Р.-Д.: Ну, что еще вам сказать? Я же вам говорю: он писал периодами — периодами...

В. Д.: Ну, да, это вы уже сказали.

И. Р.-Д.: ...периодами много, а потом просто бродил по улице или дома лежал. Бывали такие, что он лежал просто и думал, думал, думал, думал. А потом вдруг вскакивал и начинал писать.

В. Д.: Ну, если вы уже исчерпали, то давайте просто перейдем к следующей теме — Шухаевы.

* Дувакин ошибается, Альтман, как и Пуни, активно участвовал в оформлении Петрограда к первой годовщине Октября в 1918 году.

Н. Альтман. Эскиз оформления Дворцовой площади к первой годовщине Октября. 1918

О парижских друзьях

И. Р.-Д.: Ну, вот, о Шухаевах я могу что рассказать?

В. Д.: Какое ваше отношение к ним и...

И. Р.-Д.: Мое отношение? В Париже мы редко встречались

В. Д.: Вот, начните сначала. Откуда вообще ваше знакомство?

И. Р.-Д.: Вот я вам говорю: в Париже мы с ними познакомились, Альтман нас познакомил с ними, в Париже еще, но мы редко очень встречались, потому что они совершенно на другой стороне жили, мы — на другой, и как-то у нас круг был совсем другой. Вот с Яковлевым тогда мы встречались, но тоже недолго. Потом я очень много работала, и у меня не было времени совершенно встречаться с кем-то, потому что я очень много работала. А тогда было не то, что сейчас: профсоюзы и прочее, тогда была эксплуатация страшная. Так что мне приходилось, потому что не всегда деньги были, мне приходилось работать.

В. Д.: А почему вы вообще уехали? Здесь работы не было?

И. Р.-Д.: Не-е-ет, просто я уехала с Альтманом.

В. Д.: А он, так сказать?..

И. Р.-Д.: А он — Луначарский его послал. Туда приезжал Луначарский, он встречался с ним, был как раз в посольстве прием, мы всегда бывали в посольстве на приемах, встречались вот там с Луначарским. Луначарский его послал, просто поработать в Париже, во Франции — только из-за этого. Не потому

что здесь... здесь работы было сколько угодно!

В. Д.: Он был советский подданный?

И. Р.-Д.: Да-а! Мы все время связаны были с посольством и всегда на приемах бывали, всегда. И я помню даже, очень хорошо знакомы были с послом, Довгалецкий был тогда послом. Мы с ним очень хорошо были знакомы, и всегда бывали, и, если нужно что-нибудь, вопросы или что — мы приходили всегда, и в консульство, такой был консул Членов Семен Борисович, с которым мы очень дружили. Мы очень связаны были с нашим посольством. Встречались мы там — в основном, вся была наша компания — это Эренбурги, Муссиак — француз, режиссер, Арагон, Эльза Триоле — вот наше было общество, в основном. Затем художник Пикельный, Найбич, Пуни, Анненков...

В. Д.: Анненков — это уже, так сказать, эмигрантская среда?

И. Р.-Д.: Да-да-да. Мы с ними дружили, с этими художниками. Они были очень просоветские, очень.

В. Д.: Анненков?

И. Р.-Д.: Анненков вначале да, а потом он отошел. Он хотел вернуться. Я же знаю его очень хорошо, это был мой поклонник даже. И он хотел вернуться в Россию.

В. Д.: Этот тот Юрий Анненков, который...

И. Р.-Д.: Юрий Павлович Анненков, да.

Ю. Анненков. Автопортрет

В. Д.: ...который делал иллюстрации к Блоку — «Двенадцать»?

И. Р.-Д.: Да-да-да. Это тот самый, и вот он не так давно умер.

В. Д.: Это факт, что он хотел вернуться?

И. Р.-Д.: Да, да, вот потом он передумал. После этого мы с ним не встречались. Я уехала. Я помню, когда я уезжала, он мне еще говорит: «Зачем вы едете?». Я говорю: «Я еду к себе на родину, а вы как хотите». Вот это было наше последнее прости. Я его хорошо знала. И последнее время он как раз начал делать ужасные вещи: какие-то там бляхи наклеивал, проволочки, говорят, наклеивал — в общем, он совершенно ушел от себя, от своего искусства, то, что он делал раньше.

В. Д.: А что касается истории его [нрзб]?

В. Д.: Шкловский рассказывал.

И. Р.-Д.: Нет-нет-нет, я не знаю этой истории.

В. Д.: [Нрзб]

И. Р.-Д.: Может быть. Может быть, это было тогда, когда Шкловский приезжал в Берлин. Я слыхала об этом, что он был в Германии. Может быть, там это было? Не знаю, не знаю, вот этого я не знаю. Но, во всяком случае, мы с ним встречались, с Анненковым. Ну, видите ли, это были эмигранты, но они настолько близки были к России, их интересовало все, и мы как-то их не воспринимали как эмигрантов, абсолютно. Это были художники, это был наш круг, понимаете, художников. И когда была выставка «Осенний салон», все очень были заинтересованы, мы встречались — был «Дом», Du Dome, такое кафе на Монпарнасе, где был как бы клуб.

В. Д.: «...и Ремул и Ром в «Ротонду» придут или в «Дом».

И. Р.-Д.: «Ротонды» — уже нет. Это было раньше — «Ротонда», а в мое время уже был...

В. Д.: У Маяковского упоминаются: «*И Рем и Ромул, и Ремул и Ром / в «Ротонду» придут или в «Дом».*

Ресторан «Дом» (Dome) на Монпарнасе в Париже. Фото: <https://kazanocheka.livejournal.com/290704.html>

И. Р.-Д.: «Ротонда» уже в мое время не была. Уже в «Дом». «Дом» и «Куполь», бар «Куполь», вечером, понимаете? Вот так. А это было до моего еще пребывания там, была «Ротонда», вот и Эренбург много пишет о ней, это еще Модильяни когда был, это еще гораздо раньше — тогда была в моде «Ротонда», а потом... Это был через дорогу — «Куполь», а через дорогу был Du Dome — такое кафе, оно есть и сейчас, и рядом «Куполь» — ресторан-бар. Вот вечером мы встречались в «Куполь» часто, в этом баре. Эренбург всегда там сидел вечерами, приходил Муссиак, я помню — там много было художников: Дерен приходил, Фудзита, Паскин — там вот такие художники сидели в основном вечерами. Я туда забегала часто после спектакля. И когда не было спектакля, тоже там сидела. Там была как раз... очень забавная у меня есть фотография, я вам ее потом покажу, где снят Альтман с этой — Кики ее звали — это была натурщица, которая позировала всем, Дерену. Последние годы она позировала Фудзита — очень забавная, такая забавная женщина, такая вульгарная но, понимаете, по-французски это не было вульгарно. Она пела такие похабные песенки всегда, выступала даже, зарабатывала деньги, и, в общем, она всячески зарабатывала. Забавная, очень забавная. Она, по-моему, даже вошла в историю художников французских, потому что она всем-всем художникам позировала, была натурщицей.

Ц. Фудзита. Кики с Монпарнаса. 1925

Ну, что вам еще об Альтмане рассказать? У него была тоска, ему очень хотелось уехать, и мне — на родину. Тоска, *nostalgie* — это очень сильное чувство. Вы знаете, я, например, очень тосковала, и он тоже. В общем, мы так долго думали: «Давай уедем, давай уедем» — вот каждый год, а у меня был контракт за контрактом, контракт за контрактом, из-за этого... так: «Кончится этот контракт — давай поедем». Он говорит: «Давай». И вот так все время. Потом я уехала в Америку, я долго не хотела ехать, меня несколько раз приглашали, приглашали, я все не хотела ехать. Что-то меня не интересовала Америка.

В. Д.: Как артистка поехали?

И. Р.-Д.: Ну, конечно, с французским театром. Но меня вот даже консул наш уговорил: «Поезжайте, ведь это же интересно. Вы никогда не попадете». И Альтман говорил: «Ну, поезжай, ну, интересно же посмотреть страну» и все такое. И я поехала. Мне сделали это мгновенно, чуть ли не в полдня сделали визы, и вот я поехала. И Альтман меня ждал. Ждал, а потом мы списались, что он уедет раньше, а я, когда кончится мой контракт, тогда я поеду. Но контракта я не дождалась конца. Почему? Потому что я там заболела уже, переработала ноги, там была совершенно невозможная работа, сумасшедшая. И я помню, тогда Арэнс был консул, я очень часто к нему ходила, я очень подружилась с ним, с его семьей, и я к ним приходила, когда у меня был свободный час, я бежала туда. И он устроил мне так, что я могла расторгнуть контракт, не уплатив неустойку. Я была там единственная советская, понимаете, гражданка, и он за меня хлопотал. Я уехала оттуда, приехала в Париж, и вскоре уехала в Россию.

Возвращение в Москву. Арест Шухаевых и жизнь после лагерей

В. Д.: В каком же году вы приехали?

И. Р.-Д.: В 36-м.

В. Д.: [Нрзб]?

И. Р.-Д.: Нет, абсолютно. В 37-м, я помню, когда Жид приезжал с компанией*, Жид, Гийу, когда Михаил Кольцов как раз и составлял поездку. И уговаривали, чтоб я тоже поехала с ними. Я категорически отказалась, мне это было неинтересно. Я только приехала, мне нужно было как-то устраивать жизнь. Я не хотела и очень хорошо сделала.

В. Д.: Да. Если бы вы поехали [нрзб]...

И. Р.-Д.: Да. Я помню когда Гийу как раз в меня влюбился, надо же было. И он сказал: «Если Ирина поедет, то я поеду, а если нет — я не поеду». И вот я должна была его уговаривать, чтобы он уехал. И Михаил Кольцов мне говорит: «Ирина, ну, поезжайте!». Я говорю: «Не по-е-ду! Не хочу! Неинтересно мне». Жид приехал с какими-то двумя еще красавчиками-мальчиками. Ну что мне за интерес. Мне неинтересно, я не хотела. Вот какое-то такое было... ну, инстинктивно, не знаю, как вам сказать, но, вот, не-при-ят-но было ехать, и я категорически отказалась. И вот уговаривала Гийу, чтобы он уехал, что он приедет, потом мы с ним встретимся, и прочее, и прочее, он будет у нас бывать. И вот я его уговорила. И слава богу, я не поехала. Это мне повезло.

Андре Жид в СССР. 1936

В. Д.: Да.

И. Р.-Д.: Да. Вот такое время было. Я, конечно, не понимала этого ничего, совесть у меня была абсолютно чиста.

В. Д.: Ну, вы все-таки приехали, уже здесь жили, слышали кругом...

И. Р.-Д.: Нет, ничего я... А потом, значит, когда мы разошлись с Альтманом, я жила у Шухаевых. Вот. Тогда я жила у Шухаевых. Они меня уговорили переехать к ним. Квартиры не было, жить негде было.

В. Д.: Вот, расскажите последовательно о Шухаевых.

И. Р.-Д.: Ну, Шухаевых я еще знала по Парижу, но мы редко встречались там. У них был совсем другой круг знакомых, и потом я, как я вам уже говорила, много работала, у меня времени тоже не было. А потом здесь, когда я разошлась с Альтманом, то Вера Федоровна пришла ко мне и говорит: «Иринка, ты будешь жить у нас. Мы тебя очень любим, и мы тебя не оставим»

В. Д.: Вера Федоровна Шухаева [нрзб]?

И. Р.-Д.: Да. А Василий Иванович тогда пользовался большой популярностью как художник и как преподаватель. Он преподавал как раз в Академии художеств в Москве и в Ленинграде.

В. Д.: Он что, был художник реалистического плана?

И. Р.-Д.: Да, безусловно, безусловно, реалистического. Он был прекрасный педагог, и он, вообще, преподавал до последних дней его жизни. А умер он три года... вот скоро будет четыре года, как он умер, и он преподавал до последнего дня.

В. Д.: В Тбилиси?

И. Р.-Д.: Да. А потом они в Тбилиси вы знаете почему?

В. Д.: Нет.

И. Р.-Д.: Не знаете? Вот как раз, когда я у них жила (это был 37-й год... или 38-й?... нет, 37-й, конечно), он приезжал два или три раза в неделю — два раза в неделю в Москву преподавать в Академию художеств, и в Ленинграде. У него была квартира и здесь, и там. Я с Верой Федоровной жила в Москве здесь, он наезжал. Потом было так: Вера Федоровна очень нервничала. Я ничего не понимала, что делается — ничего. И Вера Федоровна, поскольку там уже ее всех приятелей, с которыми она встречалась, они всех изъяли, она понимала, что приходит их очередь, поскольку это их был круг знакомых, я так понимаю, — и она уехала в Ленинград. Она говорит: «Я еду в Ленинград к Васе». Я говорю: «Зачем?» Она говорит: «Так надо. Ты не понимаешь ничего, а я все понимаю», — вот были ее слова. Я говорю: «Верочка, он же должен приехать сюда» — «Нет, он не приедет». Она понимала. И она уехала туда. Я помню, это был как раз вечер какой-то... да, это был не то день рождения Лидина... Эренбурги и я поехали поздравлять Лидина, и мы там просидели чуть ли не до часа ночи — писателя Лидина вы знаете. Потом меня они проводили домой, а я осталась вместе с работницей, я и работница только в квартире были. Я помню, у меня была комната без окна, не открывалось. Я легла у Веры в постель, к ней. И когда я проснулась, вокруг моей кровати стояли военные. Я ничего не понимала. Оказалось, что в эту ночь их там арестовали, в Ленинграде, а здесь был обыск. Это все я пережила тяжело очень. После этого я долго их не видела. Они получили восемь лет, потом два года они были на поселении...

В. Д.: Он и жена?

И. Р.-Д.: Он и жена. Потом два года они были на поселении, а потом тбилисский театр (у них там было очень много друзей, в Тбилиси, его знали хорошо) вызвал на оформление какой-то пьесы. Их отпустили. И тогда они переехали в Тбилиси, и с тех пор они там остались. Он преподавал в тбилисской Академии художеств, и писал. Это был очень работоспособный человек, и был именно такой художник. Он обожал свое искусство, он жил в этом, и он писал очень много. Много работал очень. Ну, вот, что я могу вам сказать? Вот так, после этого он и в театрах работал, и иллюстрации делал...

В. Д.: Вот я специально в Театральной энциклопедии смотрел — там он не упоминается.

И. Р.-Д.: Не упоминается? Ну, не знаю.

В. Д.: Театральная энциклопедия начала издаваться в 50-х годах.

И. Р.-Д.: В каких? В 20-х?

В. Д.: В 50-х.

И. Р.-Д.: В 50-х годах? Ну, потому что он жил в Тбилиси. Вот, я вам скажу: он здесь уже был забыт. Почему? Он уже считался тбилисским, другой республики художником. Понимаете?

В. Д.: Там все есть.

И. Р.-Д.: Ну, не знаю почему, не знаю. Я вам скажу, здесь я начала о нем напоминать. Я к ним приезжала в Тбилиси часто в гости, и вообще они меня очень любили, ну, это вроде моих родных, даже ближе, очень близкие мне люди были. А летом они приезжали сюда, последние годы, много лет, лет десять, наверное, они приезжали под Москву всегда, отдыхали на Николиной Горе, и вот тогда я их очень часто видела.

Ну, что вам сказать?.. Был такой случай, что я, будучи у них... Василий Иванович мне сказал, что «возьми картины и сдай в комиссионный магазин». Он зарабатывал прилично, но, знаете, в Тбилиси жизнь очень дорога, и он хотел еще, видно, чтобы они были в России, не знаю, какая причина. Я пошла, и как раз в комиссионном магазине не взяли, потому что это современный художник, им запретили брать. Эти картины потом я в музей сдала. Потом я пошла (после его смерти уже), в Третьяковскую галерею, они как раз ехали в Азербайджан и в Грузию, сказали: «Да-да, мы интересуемся Шухаевым». И вот они закупили много картин, выбрали, вот сейчас как раз только была комиссия закупочная. И затем Пушкинский, имени Пушкина, в отдел рисунков и графики я привезла очень много его офицеров 14–15-го года, сангина, много, потом графику — очень много вещей они взяли его тоже. Я пришла и прямо спросила: «У вас есть Шухаев?» — «Нет». — «Вы хотите?» — «Очень». Я говорю: «Я еду в Тбилиси» — «Привезите как можно больше». Вот я и привезла им.

*

Поездка Андре Жида и его спутников Джефа Ласта, Жака Шиффрина, Эжена Даби, Пьера Эрбаре и Луи Гийу по СССР состоялась 16 июня – 24 августа 1936 года.

В. Шухаев. Натюрморт с ромашками. 1969. ГМИИ им. А. С. Пушкина

В. Д.: А они заплатили уже?

И. Р.-Д.: Они будут платить, они взяли их, уже отобрали, и также галерея сейчас отобрала. Я привезла Яковлева большое полотно там было, и «Сатирикона» рисунки дореволюционные Яковлева, которые взяли у меня в Пушкинском, музее имени Пушкина, и затем еще в Третьяковку, они на днях придут и заберут.

В. Д.: Когда он умер?

И. Р.-Д.: Кто? Шухаев? Вот будет четыре года как раз в марте.

В. Д.: В 72-м? Нет, в 73-м.

И. Р.-Д.: В 73-м, да. Ему было 86 лет. У меня письмо есть, он очень хотел меня писать, все никак не получалось. Будет четыре года как раз в марте. Вот будет его выставка, кстати, здесь. Он мне пишет: «Иринка, мне 86 лет, я выхожу на пенсию (последнее его письмо ко мне). Ты обещала мне позировать. Не портить характер. Я из тебя сделаю очень красивую картинку». Вот это письмо у меня есть. И через два дня мне позвонили, что он умер, буквально. Даже там была такая фраза: «Наконец я увижу подмосковную осень». Потому что он к сентябрю должен был возвращаться туда преподавать, а тут он выходит на пенсию, и он мечтал, что он будет писать осенние пейзажи. У меня здесь его картины есть.

В. Д.: У него детей нет?

И. Р.-Д.: Нет, у него есть дочь от первого брака в Ленинграде. Вера Федоровна все время ей деньги посылает, помогает, она больная, кажется, уже немолодая, как вы понимаете. У них детей не было, у Веры Федоровны с Василием Ивановичем.

В. Д.: А они жили долго?

И. Р.-Д.: Долго, да. Ну, Вера Федоровна очень интересный человек. Я ее называю «последний ангел на земле». И действительно так. Вот была как раз выставка его весной, посмертная, в Тбилиси, я ездила туда, выставка была в помещении Министерства финансов, как не странно. У них очень хорошее помещение, замечательное, и они отдают помещение для выставки художников. И вот замминистра сказал: «Как вы хорошо назвали Веру Федоровну. Мы тоже будем ее так называть». Ее очень оберегают там, он [Шухаев] пользуется там большой популярностью. Даже хотят его музей там устроить. Не знаю, выйдет или нет, поскольку он русский, а там, вообще, грузины будут, наверное, протестовать. Но, во всяком случае, он там большой популярностью пользуется. Да и здесь тоже: здесь, например, вот сейчас очень интересная история произошла. Поскольку я здесь его представляю, все делаю я здесь, то я сдала картины, я привезла пять картин в Третьяковскую галерею, и галерея тбилисская прислала десять еще картин. И вот недавно была как раз комиссия, которая оценила Яковлева больше, чем Шухаева, тоже большую очень картину. И рисунки (сангина) офицеров, большие очень, оценила очень-очень низко. Послали когда Вере Федоровне это, она не согласилась с этой оценкой именно потому, что Шухаев и Яковлев одного плана художники, абсолютно, и она очень обиделась, не из-за денег, потому что деньги у нее есть сейчас, ей не нужны, как она пишет, а ей просто обидно стало за Василия Ивановича Шухаева, что такого большого художника так оценивают низко. И я была у замдиректора Манина, с ним говорила на эту тему. Он говорит: «Я вас очень прошу, уговорите Веру Федоровну, потому что это нужно ждать три года переоценки», и прочее, и прочее. Я тогда написала, позвонила Вере и говорю: «Верочка, ведь вы хотите отдать эти картины даром в какой-то музей, а я хочу, чтобы эти картины были в Третьяковской галерее. Это русский художник. Если вы хотите подарить, соглашайтесь, бросьте ваше самолюбие — соглашайтесь». Она согласилась. И когда я позвонила Ивановой, хранительнице вот этого комбината, где всё это она хранит и она отвечает за все, она возмутилась, она говорит: «Я послала Вере Федоровне письмо, и я категорически против такой оценки». И поднялся дикий шум, Шмаринов звонил, там такой шум поднялся, что его так низко оценили, такого художника, такого большого мастера. Так что они сами, понимаете, начали эту кампанию, и я очень рада. Оказывается, не три года. Я говорю: «Ну, как же, надо три года ждать, а Вера Федоровна хочет при жизни это все устроить». А она говорит: «Глупости! Почему три года? Я этим заведу. Я январе это будет». Она даже кричала, вы знаете, так возмущалась, говорит: «Я тоже против этого!» Ну, там сидят чиновники.

В. Шухаев. Вид на Кассис. 1928

В. Д.: Вы думаете, что может все-таки случиться, что Вера Федоровна приедет, и можно будет ее записать?

И. Р.-Д.: Трудно сказать. Я ей написала, что, может быть, она захочет что-нибудь сказать о Василии Ивановиче, об его искусстве, поскольку она так близко все это знает, больше, чем кто бы то ни было, естественно. Ну, не знаю, что она мне ответит. Писать она не может, может быть, на машинке напечатает сестра ее. Не знаю, трудно мне сказать. Если она себя будет более или менее так как-то чувствовать... Она же очень плохо ходит, она болеет очень.

В. Д.: А тогда вы позвоните мне, если нужно, если она приедет.

И. Р.-Д.: Хорошо. Но это будет только весной, это будет только март — апрель, выставка собирается быть. Может быть, она и приедет. Она мне так говорит: «Если я буду хоть немножко на ногах стоять, я безусловно приеду». Она будет у меня останавливаться, она живет у меня всегда.

В. Д.: Ну, хорошо. По-моему, вышло довольно закругленно.

И. Р.-Д.: Конечно.